

Т.В. Лобан¹, М.Г. Лобан²

¹аспирант кафедры русского, общего и славянского языкознания
ГГУ им. Ф.Скорины (г. Гомель, Республика Беларусь)

²старший преподаватель кафедры белорусской и русской
филологии МГПУ им. И.П.Шамякина (г. Мозырь, Республика
Беларусь)

Л. УЛИЦКАЯ И А. БРАВО: СТРАТЕГИИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ТИПИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ

Наиболее перспективной областью применения психологизма в литературе является аналитическая, или психологическая, проза. По преимуществу это проза последних двух веков (XIX и XX) реалистического направления. Именно реализм увидел в человеке пересекающиеся и взаимообусловленные природные (тело, душа) и культурные (душа, дух) пласты. Психологизм при этом стал способом воплощения реалистического потенциала, способом представления новой структуры персонажа – *характера*. Характер в литературе становится формой проявления личности. Зрелый реализм, таким образом, немислим без психологизма, что убедительно свидетельствует о гуманистической направленности реализма как наиболее совершенной из освоенных человечеством художественно-информационных систем.

Психологизм как *литературно-эстетическое и духовное явление* (а не только *душевное*) возникает и существует там, где противоречие между «сердцем» и «умом» служит показателем большой *духовной проблемы*. «Психологизм, – пишет в своей книге А. Андреев, – это такой способ существования строя души, который соответствует глубокому строю мысли... Психологизм – это не просто переживания, душевные волнения, а такого рода переживания, в результате которых рождается иное мировоззрение или обнаруживается присутствие «нового» человека в «старом», хорошо известном. Психологизм становится инструментом выявления скрытой связи между поступком и его причиной, *способом выявления скрытой работы сознания*. И вот эта скрытая работа сознания и есть тайное оружие психики, собственно, *ум души*. В таком контексте психологизм становится инструментом превращения *человека в личность*» [1, с. 164].

В конце XX века представители женской психологической прозы активно разрабатывают стратегии художественной типизации, ведущей к созданию мировоззренчески маркированных характеров (Л. Улицкая,

Д. Рубина, Л. Петрушевская и др.). Феминистский дискурс в современной русской литературе пополняется за счет разработки «женских вопросов» с точки зрения литературных констант (концептов, универсалий, стереотипов) в теоретическом и историко-литературном аспектах [2]. Предпринимаются также попытки провести системный анализ жанроспецифических средств «дамских романов», декларирующих «типологизирующие формулы» массовой литературы XX – XXI веков [3]; [4].

К сожалению, белорусское литературоведение не уделяет должного внимания этой проблеме. Лишь в 2003 году появилось первое серьезное исследование Т. Фицнер «Гендэрныя праблемы ў беларускай літаратуры XX стагоддзя» [5]. А. Кислицына справедливо отмечает: «Трэба прызнаць, што менавіта адсутнасць маштабнага погляду на жыццё, страх ці нежаданне звароту да складаных праблем, недавырашаных «мужчынскай свядомасцю», абмежаванасць традыцыйных тэм, галоўнай з якіх і дагэтуль з’яўляецца каханне, выклікала нараканні на «жаночую паэзію», «жаночую прозу», «жаночую літаратуру»... Аднак «феміністычны прарыў» канца XX ст. стаў яскравай з’явай для традыцый напатрыярхальнай культуры Беларусі» [6, с. 142]. И далее критик пишет: «Сёння выспела новая плеяда пісьменніц, якія свядома займаюцца палітыкай гендэрнай стратыфікацыі на беларускай культурнай прасторы» [6, с. 125].

Такою «художественную политику» активно пропагандирует А.Браво, белорусская писательница. Психология и внутренний мир современницы, остающейся «узницей детства», но пытающейся отстаивать свое право на любовь и свободу, – главная тема ее произведений.

Сущность героинь А. Браво ярче всего проявляется в любви, которая «*есть материнство*» и одновременно – «*просто долька апельсина под ногами толпы*». Поток сознания автора удивительным образом смешивает бытовые зарисовки с эссеистикой, психологические состояния с живыми диалогами, поэтизированный комментарий к прошлому с беспощадной реалистичностью. Безупречное чувство языка и стиля, богатство литературных аллюзий позволяют писательнице создавать повести и рассказы, способные удовлетворить самый изысканный вкус. А обостренное чувство справедливости и непритупляющееся чувство боли ставят художественные произведения А. Браво в один ряд с лучшими образцами отечественной прозы.

Сегодня творчество А. Браво становится предметом пристального внимания критиков. См.: М. Вертиховская [7], И. Шевлякова [8], Т. Чернякевич [9], Т. Фицнер [10], Н. Гришан [11], Ж. Капуста [12], В. Горнистова [13], Л. Голубович [14] и др.

В наши дни, наряду с традиционным вниманием к исследованию внутренней структуры художественного образа, активно развиваются уже

достаточно сформировавшиеся научные направления, возникшие «на стыке» с другими науками и ориентированные на выявление «человеческого фактора» в художественном творчестве: это психолингвистика, гендерная лингвистика, рецептивная эстетика. В современном белорусском литературоведении пока отсутствуют серьезные научные труды, посвященные исследованию гендерно маркированных типов женских характеров.

На наш взгляд, одним из вариантов решения этой проблемы может стать компаративный подход, который не только расширяет базу научного поиска, но и намечает пути выхода из создавшегося «тупикового» умолчания. Именно сравнительно-исторический анализ художественных опытов А. Браво и Л. Улицкой позволяет выявить «психологические традиции» в жанре эпической повести, помогает обобщить теоретический и практический опыт исследования «диалектики женской души» современными авторами [15 – 19].

В гендерном аспекте обеих писательниц объединяет общий женский взгляд на мир. В рамках малой эпической прозы (излюбленные литературные жанры – рассказ, повесть) Л. Улицкая и А. Браво творят в едином художественном направлении психологического реализма постмодернистского толка с элементами натурализма (широко используется «поток сознания» как прием, отражаются то сны, то внутренние монологи, то физическое состояние героев). Оба мастера слова уделяют большое внимание повседневной стороне жизни, окружающей героев обстановке, их быту, биографическим подробностям (тематические аналогии).

Много совпадений может быть отмечено и на уровне художественной проблематики: оба автора – «неравнодушные писатели», затрагивающие злободневные, остросоциальные темы, которые не всякий художник слова решится рассматривать или способен показать качественно (например, антисемитизм, жизнь диссидентов, супружеская неверность, одинокая старость, жизнь с неизлечимыми заболеваниями, проституция, межнациональный брак, подростковая беременность, отношение к инвалидам и пожилым людям, проблема общественного порицания и др.). Л. Улицкая и А. Браво проявляют интерес к самым болезненным проблемам нашего общества, кропотливо их исследуют и выносят свой писательский «диагноз».

Современные литературоведы отмечают стилистическую общность Л. Улицкой и А. Браво: тексты обеих писательниц отличаются сложностью синтаксиса, большой идейно-смысловой насыщенностью, широким использованием иронии как приема вместе с ее разновидностью – эвфемизацией. Оба автора любят привлечь внимание к тексту с помощью психологических деталей, особенного средства создания образности.

Однако при множестве общих черт у Л. Улицкой и А. Браво существует и множество принципиальных различий, которые имеют прямое отношение к построению «экосистемы» произведений и которые легко объяснить, ссылаясь на биографический контекст художественных произведений.

1. Самые существенные различия следует отметить в манере повествования. Произведения А. Браво отличаются субъективизмом, исповедальностью: рассказ ведется от первого лица, часто дается личная оценка происходящему через различные философские монологи. Таким образом создается «эффект авторского присутствия». Л. Улицкая же стремится передать происходящее объективно и, вместе с тем, отстраненно, присутствие рассказчика неощутимо, и если повествование идет от первого лица, то, как правило, только непосредственно от лица одного из героев. Отношения автора к происходящему выражается опосредованно, через описание окружающей действительности в экспрессивном или ироническом ключе.

2. Подходы к созданию характеров также существенно отличаются. Так, А. Браво предпочитает *«выводить в ранг художественного обобщения свой личный опыт, опыт своей семьи»*, поэтому в образах, созданных ею, к сожалению, наблюдается некоторая однобокость и статичность: черты, несвойственные герою, возводятся в ранг исключения, имеющего место в прошлом, в гипотетическом будущем или в грезах. Субъективизм А. Браво сказывается и на создании литературных типов: антипатичные герои (главные, второстепенные) описаны с сарказмом и напоминают символические карикатуры, воплощающие общественные пороки. Например, *«мне отвратительны их разомлевшие рожи, оживляющиеся лишь при звоне стаканов...»*, – замечает А. Браво. Положительные персонажи сакрализируются и подаются под слащавым соусом сентиментальности.

Л. Улицкая, создавая художественные характеры, опирается на личный жизненный опыт, однако использует при этом совершенно иной подход: каждый из ее героев является достаточно яркой и незаменимой индивидуальностью. Резкий контраст между «плохими» и «хорошими» персонажами отсутствует: как положительные, так и отрицательные черты литературных героев переданы с легким юмором и доброжелательностью. Персонажи Л. Улицкой – не «типы», а лишь родные и соседи, единичные, неповторимые личности, которые могут быть знакомы каждому читателю.

3. Пути разрешения межличностных конфликтов у обоих авторов противоположны. Взаимоотношения героев А. Браво несут оттенок отчуждения, недоверия и агрессивности, они в любую секунду готовы перейти в острый конфликт и привести к вероломному предательству, что зачастую и происходит. Контакты между приятелями, соседями, мужьями

– женами, детьми – родителями редко и не до конца наполнены искренностью, равноправием и безусловной любовью.

Межличностные отношения героев в рассказах Л. Улицкой тоже не всегда идеальны. Но конфликты между героями не доходят до крайней точки: они либо протекают подспудно, либо разрешаются путем компромиссов. Искренние и дружественные контакты между героями различных социальных категорий и национальностей у этого автора представлены в большом количестве.

4. Отношения героев с окружающим миром и его ценностями у обеих писательниц выстроены в различных системах координат. Мир героя, созданного белорусским автором, неуютен, зыбок, наполнен угрозой бесцеремонного вторжения в частную жизнь. *«Любовь – это апельсиновая долька под ногами толпы»*, – пишет А. Браво. Пространство вокруг отравлено иллюзорным застоем, подавленными комплексами неполноценности и несбыточными желаниями. Семья, увы, не является *«домом и крепостью»*, она отсутствует в жизни персонажа, замещаясь то *«чудом проросшей лимонной косточкой»*, то детьми. Потому-то и настоящих ценностей, сокровенного, тайного героини А. Браво за душой практически не имеют. Ощущая внутреннюю пустоту, они отдают свои душевные силы без остатка *«стеклянному яйцу»* (образ-символ), которое рано или поздно утрачивается.

Мир Л. Улицкой, будучи также по-своему убогим, но убогим *«обаятельно»* (по мнению критиков), служит маленьким уютным *«гнездышком»*, микрокосмом, в котором каждый герой может укрыться от житейских бурь. Пусть гнездышко это свито из привычек, доведенных до автоматизма, маленьких невинных слабостей и тех же иллюзий, но весь этот «материал» – неотъемлемая часть души каждого героя, не навязанный извне, а осознанно и с чувством встроенный в личную жизнь. Старая сумка тетушки Генеле – чистый аналог «стеклянного яйца» (инфантильного эгоизма) А. Браво – выступает у Л. Улицкой символом взаимопомощи и поддержки между близкими. Герои не страшатся его утратить. Ведь *«содержимое гнездышка»* – это тот *«секретик»*, то сокровенное библейское *«сокровище души, которое не уничтожит ни влага, ни ржа»*. Да, «счастливые» Матиас и Берта утратили любимого сына, да, Бронька не имела возможности долго, открыто и законно жить с любимым человеком, но в их душах всегда будут жить родные им люди, сердце будет согревать память о них.

5. Противостояние человека и государства также обыгрывается у писательниц различными путями. Государство Улицкой – абстрактная категория, история – безликий *«ветер судьбы»*, против которого герои активно не протестуют, а стремятся к нему приспособляться. Семья и теплые отношения в ней для описанных в изобилии *«русских евреев»*

важнее всякого недовольства. Государство для А. Браво – источник зла, «обыкновенного, житейского, бытового», которое непременно следует «разглядеть».

Безусловно, данные расхождения в творчестве писательниц легко объяснить их принадлежностью к различным национальностям, с различной ментальностью и степенью сохранности традиций. Неслучайно еврейский мальчик Вовочка у Людмилы Улицкой сначала освоил алфавит иврита, а затем русского языка, а белорусская девочка-рассказчица у Алены Браво нещадно осмеивалась матерью за стихи на «матчынай мове». Ведь ментальность народа – краеугольный камень как внутрисемейных отношений, так и отношений с соплеменниками, с миром в целом, что и стремились отразить оба автора. Именно ментальность влияет на мировосприятие писателя, которое основательно держится за традиции, за славное прошлое, наполненное или житейским смыслом, или голым и злым интернационализмом, возникшим после насильственного выброса «матчынага скарба» с «парохода современности» «старэйшымі братамі» и новоиспеченными манкуртами. Потому и роли для своих героев выбраны А. Браво (1) и Л. Улицкой (2) контрастные (Воитель и Смотритель), сценарии их поведения также не совпадают: «Увидеть зло – уничтожить зло» (1), «Принять и понять» (2); «Жизнь – это борьба!» (1), «Selavie!» (2).

Таким образом, разное видение мира, разные способы создания образов, стилистика повестей и рассказов позволяют наметить ряд аналогий в творчестве А. Браво и Л. Улицкой: тематическая близость, гендерный подход, общность проблематики, способы обрисовки персонажей.

Однако каждый из авторов создает свою типологию литературных героев. Жанры малой эпической прозы у Л. Улицкой более сложны по своей структуре и затрагивают более широкий спектр человеческих взаимоотношений. А. Браво ратует за равномерное распределение женских и мужских ролей, отмечает их равнозначность и равноправие.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Андреев, А. Н. Теория литературы : учебник: в 2 ч. / А. Н. Андреев. – Минск: Изд-во Гревцова, 2010. – Ч. 1: Художественное произведение. – 200 с.
2. Володина, Н.В. Концепты, универсалии, стереотипы в сфере литературоведения: монография / Н.В. Володина. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 256 с.

3. Купина, Н.А. Массовая литература сегодня: учеб. пособие / Н.А. Купина, М.А. Литовская, Н.А. Николина. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 424 с.
4. Минералов, Ю.В. История русской литературы: 90-е годы XX века: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Ю.В. Минералов.– М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2004. – 224 с.
5. Фіцнер, Т.А. Гендэрныя праблемы ў беларускай літаратуры XX стагоддзя: аўтарэф. ...канд. філал.наук: 10.03.01 / Т.А. Фіцнер, Ін-тліт-ры НАН Беларусі. – Мінск, 2003. – 20 с.
6. Кісліцына, Г. Новая літаратурная сітуацыя: змена культурнай парадыгмы / Г. Кісліцына. – Мінск: Логвінаў, 2006. – 205 с.
7. Верціхоўская, М.І. Рай абаронены [пра аповесць Алены Брава “Рай даўно перанаселены”] / М.І. Верціхоўская // ЛіМ. – 2012. – 13 ліпеня (№ 26). – С. 6.
8. Шаўлякова, І.Л. Пераможная параза: інавацыйная тэхналогія мастацкага аўтадафэ: [пра аповесць Алены Брава “Рай даўно перанаселены”] / І.Л. Шаўлякова // ЛіМ. – 2012. – 16 сакавіка (№ 11). – С. 6.
9. Чернякевіч, Ц. У зачараваным царстве жаноцкасці і нататкі на палях прозы Алены Брава / Ц. Чернякевіч // Маладосць. – 2011. – №11. – С. 88 – 89.
10. Фіцнер, Т. “Жаноцкае пісьмо” ў патрыярхальнай культуры: герані рамана А. Брава “Менада і яе сатыры” / Т. Фіцнер // ЛіМ. – 2009. – № 20. – С. 7.
11. Грышан, Н. Чалавек, які шукае...: аповесць А. Брава “Імя Ценю – Свято” / Н. Грышан // ЛіМ. – 2008.– № 6. – С. 6.
12. Капуста, Ж. На іншай хвалі рамана Алены Брава “Менада і яесатыры” / Ж. Капуста // ЛіМ. – 2008. – № 50. – С. 6.
13. Гарністава, В. Знаёмства адбылося: Разважанні над прозай Алены Брава / В. Гарністава // Маладосць. – 2004. – № 7. – С. 149 – 153.
14. Галубовіч, Л. Зняволянне на востраве Свабоды: проза Алены Брава / Л. Галубовіч / ЛіМ. – 2003. – 2 мая. – С. 6 – 7.
15. Брава, А. Каменданцкі час для ластавак / А. Брава // Маладосць. – 2003. – № 3. – С. 21 – 69 с.
16. Дроздовская, А. Вольный стрелок из Борисова / А. Дроздовская // [Эл. ресурс]. – 2014. – Режим доступа: <http://minpraud.by/articles>.
17. Браво, А. Имя Тени – Свет: повести, рассказы / Алена Браво. – Минск: Літаратура і Мастацтва, 2012. – 360 с.
18. Улицкая, Л.Е. Сонечка: повесть / Л. Улицкая. – М.: Астрель, 2012. – 126 с.

19. Прусакова, И. О. Повести Л. Улицкой «Сонечка» / И. Прусакова // Нева. – 1993. – № 1. – С. 236 – 237.

МГПУ им. И.П.Шамягина